

Научная статья

УДК 347.4

EDN: BJNRAA

О некоторых трендах в развитии электронного договорного взаимодействия и системе защиты прав участников дистанционных сделок в банковской сфере

Анна Анатольевна Ананьева

Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия

✉ annaslast@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2018-9918>

Аннотация. Процесс договорного взаимодействия стремительно перешел в цифровую среду, что затронуло и потребителей. Кредитные договоры повсеместно заключаются в мобильных и интернет-приложениях и через СМС. Это повлекло за собой спорные и проблемные ситуации и, соответственно, задачи по их разрешению и дискуссии о природе и правовом регулировании использования цифровой среды в договорном процессе. При этом до сих пор без ответа остается вопрос о том, как именно контрагенту следует подтверждать факт формирования электронной подписи определенным лицом.

В настоящей статье автор анализирует судебную практику и раскрывает потенциально возможные подходы к природе электронных сделок. При констатации сохранения традиционного подхода к заключению договоров дистанционно предлагаются некоторые способы минимизации рисков перехода на электронное взаимодействие с потребителями финансовых услуг.

Ключевые слова: электронный договор, электронная сделка, цифровая сделка, дистанционное договорное взаимодействие, кредитный договор, банковские сделки, защита прав потребителей

Для цитирования: Ананьева А. А. О некоторых трендах в развитии электронного договорного взаимодействия и системе защиты прав участников дистанционных сделок в банковской сфере // Фемида.Science. 2024. № 2 (15). С. 6–12.

Original article

On Some Trends in the Development of Electronic Contractual Interaction and the System of Protecting the Rights of Participants in Remote Transactions in the Banking Sector

Anna A. Ananyeva*Russian State University of Justice, Moscow, Russia*✉ *annaslast@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2018-9918>*

Abstract. The process of contractual interaction has rapidly moved into the digital environment, which has affected consumers. Credit agreements are widely concluded in mobile and Internet applications and via SMS. This has entailed controversial and problematic situations, and, accordingly, tasks for their resolution and discussions about the nature and legal regulation of the use of the digital environment in the contractual process. At the same time, the question of how exactly the counterparty should confirm the fact of the formation of an electronic signature by a certain person still remains unanswered.

In this article, the author analyzes judicial practice and reveals potential approaches to the nature of electronic transactions. Noting the preservation of the traditional approach to concluding contracts remotely, the article suggests some ways to minimize the risks of switching to electronic interaction with consumers of financial services.

Keywords: electronic contract, electronic transaction, digital transaction, remote contractual interaction, loan agreement, banking transactions, consumer protection

For citation: Ananyeva, A. A. On some trends in the development of electronic contractual interaction and the system of protecting the rights of participants in remote transactions in the banking sector. *Femida.Science = Themis.Science*. 2024;(2):6-12. (In Russ.)

Взаимодействие людей стремительно перешло в цифровую среду, поэтому не удивительно, что и обмен предложением и согласием на вступление в договорные правоотношения все чаще происходит дистанционно. В современных реалиях стороны переговорного процесса могут находиться в разных городах и странах, но при этом в режиме онлайн провести переговоры, дистанционно оформить договор, моментально обменяться юридически значимыми сообщениями. Такой новый процесс взаимодействия не мог не затронуть и потребителей. В частности, очень быстро сформировалась практика заключения кредитных договоров в мобильных и интернет-приложениях и через СМС, все чаще стали оформляться договоры через онлайн-платформы; согласование условий переместилось в различные мессенджеры. Бесспорно, такой порядок чаще всего удобен всем участникам договорных правоотношений, поскольку ускоряет процесс взаимодействия и освобождает от необходимости тратить свободное время и средства для подписания классических письменных документов.

В то же время как медаль имеет две стороны, так и новая форма взаимодействия при заключении договоров не могла не породить спорные и проблемные ситуации, а тем самым – и задачи по их разрешению и, соот-

ветственно, дискуссии о природе и правовом регулировании использования цифровой среды в договорном процессе¹.

Для начала обратимся к истории вопроса, чтобы понять, как данная проблема достигла своего апогея. На протяжении нескольких лет в судебной практике складывалась тенденция признания допустимым использования СМС-сообщений при заключении кредитных договоров. Однако число кредитов, оформленных мошенниками с использованием электронных приложений или чужого телефона, неуклонно росло. При этом суды в решениях признавали, что последовательность действий при заключении таких сделок посредством аналога собственноручной подписи с введением кодов, направленных банком на номер телефона заемщика, не дает оснований для вывода о том, что банк знал или должен был знать об обмане заемщика третьими лицами.

Казалось бы, устойчивая судебная практика в одночасье поменялась с принятием 16 декабря 2022 г. Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации Определения № 5-КГ22-127-К2². В суд обратился очередной пострадавший от действий мошенников и вынужденно ставший заемщиком Борисов П. А., телефон которого был использован в целях заключения договора. Как и в других подобных случаях, на его имя был оформлен кредит, а полученные от банка денежные средства были переведены на счета третьих лиц.

Верховным Судом при рассмотрении данного спора была дана оценка действиям по заключению договора в отсутствие воли на то будущего контрагента, фактически без его участия. Судом было отмечено, что заключение договора в результате мошеннических действий является неправомерным действием, посягающим на интересы лица, не подписывавшего соответствующий договор и выступающего применительно к ст. 168 ГК РФ третьим лицом, права которого нарушены заключением такого договора. Верховный Суд подчеркнул, что при таких обстоятельствах выводы суда о заключении и действительности договора противоречат положениям ст. 153 ГК РФ о сделке как о волевом действии, направленном на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей.

Следующим в череде решений Верховного Суда, направленных на защиту прав потребителей при дистанционном оформлении кредитов, стало Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 17 января 2023 г. № 5-КГ22-121-К2³. В нем Суд сконцентрировал внимание на том, что законодательством о защите прав потребителей установлены специальные требования к заключению договоров, направленные на формирование у потребителя правильного и более полного представления о приобретаемых (заказываемых) товарах, работах,

¹ Не случайно в последнее время обозначенная тема все чаще становится предметом научных исследований. См., например: [1].

² Здесь и далее доступ из СПС «КонсультантПлюс», если не указано иное.

³ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 17 января 2023 г. № 5-КГ22-121-К2.

услугах, позволяющего потребителю сделать их осознанный выбор, а также на выявление действительного волеизъявления потребителя при заключении договоров, и особенно при заключении договоров на оказание финансовых услуг.

Верховный Суд подчеркнул, что специальные требования к предоставлению потребителю полной, достоверной и понятной информации, а также к выявлению действительного волеизъявления потребителя при заключении договора установлены Федеральным законом от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)»⁴, в соответствии с которым договор потребительского кредита состоит из общих условий, устанавливаемых кредитором в одностороннем порядке, а также из индивидуальных условий, которые согласовываются кредитором и заемщиком индивидуально и включают в себя: сумму кредита; порядок, способы и срок его возврата; процентную ставку; обязанность заемщика заключить иные договоры; услуги, оказываемые кредитором за отдельную плату, и т. д. В то же время, поскольку все действия по заключению кредитного договора и переводу денежных средств в другой банк на неустановленный счет со стороны потребителя были совершены одним действием – путем введения четырехзначного цифрового кода, направленного Банком СМС-сообщением, в котором назначение данного кода было указано латинским шрифтом в нарушение требований п. 2 ст. 8 Закона о защите прав потребителей о предоставлении информации на русском языке, выводы судебных инстанций о заключении кредитного договора в соответствии с Законом и об отсутствии нарушений прав потребителя финансовых услуг противоречат нормам материального права.

Можно с уверенностью утверждать, что два описанных выше решения Верховного Суда изменили судебную практику в нашей стране по рассмотрению сходных дел. Да и сам Верховный Суд позднее несколько раз обращался к данной проблеме⁵. Из более поздних решений высшей инстанции особо обращает на себя внимание Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2023 г. № 19-КГ23-32-К5, в котором содержится подход, опровергающий ранее сложившуюся презумпцию по электронной подписи. Так, Суд подчеркнул: «Для обеспечения документа, подписанного простой электронной подписью, юридической силой необходимо идентифицировать лицо, которое использует простую электронную подпись, понятие которой в законе определено не только через наличие присущих ей технических признаков – использование кодов, паролей или иных средств, но и через ее функциональные характеристики – необходимость подтверждения факта формирования электронной подписи определенным лицом». Однако вопрос о том,

⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 51. Ст. 6673.

⁵ См., например, Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 23 мая 2023 г. № 85-КГ23-1-К1, Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2023 г. № 19-КГ23-32-К5.

Ананьева А. А. О некоторых трендах в развитии электронного договорного взаимодействия

как именно контрагенту следует подтверждать факт формирования электронной подписи определенным лицом, остается до настоящего времени без ответа.

Для полноценного ответа на поставленный вопрос необходимо разработать теорию электронных (цифровых) сделок, комплексно исследовать правовые подходы к легитимации дистанционных сделок в целом, разработать правовой инструментарий дистанционного договорного взаимодействия, сформировать систему гарантий и защиты прав участников дистанционных сделок. Такая глобальная постановка проблемы ставит перед научным сообществом серьезные задачи и дает простор для научного творчества.

Возможны два диаметрально противоположных подхода к вопросу заключения договора в цифровой среде. Первый из них заключается в том, что электронный договор принципиально отличается от традиционного договора, и потому достоверность источника направления соответствующего электронного сообщения, содержащего оферту или акцепт, предопределяет их легитимность, т. е. волевой компонент в данном случае является вторичным. Второй же основан на традиционном подходе ко всем договорам вне зависимости от способа их заключения. При его применении во главу угла мы возводим волю сторон на вступление в договорные отношения, поэтому даже в случае направления документа из идентифицированного источника, но при этом иным лицом, не имеющим полномочий на совершение такого действия, договор не может быть признан заключенным.

На данном этапе судебной практикой поддерживается именно второй подход, вопрос о целесообразности перехода на иную концепцию электронного договора и его перспективе остается открытым. Так, Д. Е. Богданов справедливо отмечает, что необходимость идентификации участника договорных отношений является формальным требованием к договору во многих юрисдикциях [2, с. 31], и приводит в пример законодательство США о мошенничестве (US Statute of Frauds⁶), согласно которому основные положения контракта должны быть составлены в письменной форме с обязательной идентификацией сторон договора. Кроме того, автор подчеркивает, что «революция в договорном праве не свершилась. Вместо отмеченного отдельными авторами “революционного пути” идет неспешное эволюционное развитие представлений о гражданско-правовом договоре. ...Можно предположить, что не канет в лету теория воли, поскольку всегда первично волеизъявление сторон договора, а цифровой код будет иметь для договора лишь вспомогательное, обслуживающее значение» [2, с. 36].

Признавая тот факт, что подход к договорам, заключаемым посредством направления электронных сообщений, остается классическим, мы не можем не отметить, что одной из важнейших проблем в связи с этим является проблема определения лица, подписывающего такой электронный документ. Достоверность идентификации стороны договорных отношений может быть достигнута только с использованием квалифицированной

⁶ URL: <https://lawi.us/statutes-of-frauds/>.

электронной подписи (или, как минимум, при использовании квалифицированной подписи возможные убытки от несанкционированного использования электронной подписи могут быть компенсированы оператором). В остальных же случаях информация о подписанте в большинстве случаев не может быть абсолютно достоверной, а потому повышается риск мошеннических действий. В то же время необходимость повсеместной достоверной идентификации лица, направившего сообщение, перечеркивает многие достоинства электронного договора.

В связи с этим, по нашему представлению, решение обозначенной задачи крайне важно и актуально. Однако ее решение видится нам не таким быстрым, как того хотелось бы, да и как того требует стремительная цифровизация договорного взаимодействия. Поэтому на данном этапе важно выработать способы минимизации рисков перехода на электронное взаимодействие, и в первую очередь с потребителями, в том числе потребителями финансовых услуг.

Разберем возможные способы защиты потребителей при заключении договоров дистанционно на примере потребителей финансовых услуг. В качестве таких способов защиты прав потребителей финансовых услуг можно предложить следующие:

1) обязательное заключение предварительно соглашения о дистанционном банковском взаимодействии, в котором должны содержаться информация о порядке идентификации отправителя, выбор клиентом дополнительных способов его верификации в случае необходимости, правила обеспечения сохранности конфиденциальной информации и ответственность за их несоблюдение, и в первую очередь, безусловно, согласие потребителя на дистанционное взаимодействие с банком как таковое;

2) возможность для всех граждан ограничить дистанционное взаимодействие через подачу соответствующего заявления на государственных сервисах⁷;

3) возложение на банки затрат по организации системы использования квалифицированной электронной подписи потребителями.

Однако не стоит забывать и о защите законных интересов банковских организаций в этой связи. В частности, целесообразным представляется закрепить презумпцию отправки электронного сообщения надлежащим субъектом в случае, когда такое сообщение было отправлено из достоверного источника, равно как из источника, использование которого обусловлено сложившейся между сторонами практикой, а также признать допустимым взыскание убытков, причиненных несанкционированным доступом к такому источнику третьего лица в случае, когда были нарушены правила сохранения конфиденциальности информации, либо при попустительстве ее владельца.

---

⁷ Первым шагом на этом пути можно признать Федеральный закон от 26 февраля 2024 г. № 31-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О кредитных историях” и Федеральный закон “О потребительском кредите (займе)”» (Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 10. Ст. 1306).

Список источников

1. Белин А. В., Фиошин А. В. О судебной и несудебной защите прав потребителей в условиях цифровизации // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2024. № 2. С. 45–51.
2. Богданов Д. Е. Несостоявшаяся технологическая революция в договорном праве: апологетика традиционалистской трактовки договора // Lex russica. 2023. Т. 76, № 3. С. 21–40.

References

1. Belin, A. V., Fiochin, A. V. On judicial and non-judicial protection of consumer rights in the context of digitalization. *Vestnik Moskovskoj akademii Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federatsii = Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*. 2024;(2):45-51. (In Russ.)
2. Bogdanov, D. E. Failed technological revolution in contract law: apologetics of the contract traditionalist interpretation. *Lex Russica*. 2023;76(3):21-40. (In Russ.)

Информация об авторе

А. А. Ананьева – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой.

Information about the author

A. A. Ananyeva – Doctor of Science (Law), Associate Professor, Head of the Department.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 09.09.2024; одобрена после рецензирования 25.09.2024; принята к публикации 25.09.2024.

The article was submitted 09.09.2024; approved after reviewing 25.09.2024; accepted for publication 25.09.2024.